

«Изменить стране проще, чем изменить страну»

Владимир Мау — о своем вкладе в «Стратегию-2020»

Огонёк, 18.04.2011

Павел Шеремет

За последние недели в России появилось сразу несколько документов, претендующих называться политическими и экономическими планами. Появление самого серьезного — "Стратегии-2020" — еще впереди. Один из руководителей рабочих групп, ректор АНХ Владимир Мау рассказал, как идет работа

-- Вы довольно открыто обсуждаете основные предложения по концепции. Собираетесь устраивать дискуссии по секциям в присутствии журналистов. Откуда такая открытость?

-- Открытость -- часть мандата. Руководство поставило условие: чтобы все было публично. Я -- ученый, мне, честно говоря, все равно -- публично или закрыто. Понятно же, что мы не пишем предвыборную программу или программу правительства. Если надо было бы написать программу, то это задача для 10-15 человек, может быть даже семи. В закрытой комнате и с минимумом дискуссий. Есть концепция долгосрочного развития страны до 2020 года. Это официальный документ правительства и его программа. Мы не улучшаем ее и не переписываем, а пытаемся взглянуть на ситуацию более глобально. Та стратегия-2020, которую готовило правительство в 2008 году, писалась в другой экономической парадигме.

Дело в том, что в экономике и политике раз в 10-15 лет происходит ревизия представлений о том, что лучше, что хуже. За последние три года произошли очень сильные изменения в мире и в нашем понимании логики экономического развития. Стало ясно, к примеру, что пенсионная система является одним из ключевых элементов будущего развития экономики и связана со всем огромным экономико-инвестиционным блоком. То же касается и здравоохранения. Сейчас эффективных систем функционирования здравоохранения для развитой страны нет. Это сложнейшая и социальная, и интеллектуальная проблема, и та страна, которая одной из первых найдет здесь решение, получит огромную фору.

-- Почему для вас важно принимать участие в разработке "Стратегии-2020"?

-- Еще с тех времен, когда я работал с Егором Гайдаром, наш коллектив регулярно готовил предложения по экономической политике. И в конце 2010 года мы собирались заняться подготовкой программы для следующего политического цикла. Эта работа всегда была востребована и почти всегда реализована. Иногда казалось, что программа никому не понадобится, как в 1999-м, а выяснилось, она вызвала колоссальный интерес. Иногда, как это было в 2004-м, казалось, что она точно понадобится, но была проигнорирована властью. Для меня эта работа -- профессиональный вызов. Это политик может позволить себе позицию: пусть будет хуже и тогда я реализую какие-то свои задачи. Я считаю, что экономические консультанты не имеют права на такую точку зрения. Между прочим, первые российские экономисты были из врачей, как, например, Николай Гурвич в XIX веке. И мы должны лечить то, что есть. И так, как умеем. Не вступая в объяснения, какие политические последствия за этими наступают, укрепит это режим или ослабит. Есть профессиональный долг. Конечно, при лечении нужно учитывать и политическую ситуацию. В конце концов лечение больного тоже зависит от того, курит он или нет. Но врач никогда не скажет, что, если ты куришь, я тебя лечить не буду.

-- Но ваша стратегия существующий режим укрепит или ослабит? И стоят ли перед вами задачи подготовить программу реформ политических институтов?

-- Реформа политических институтов -- это не наш мандат, это дело президента. И такого поручения у нас нет. Мы это обсуждаем, об этом пишем, но не более того.

В сфере нашего интереса -- реформа институтов в части повышения эффективности государственного управления, муниципального и федерального уровней. Там, конечно, есть и политические нюансы, но в основном это социально-экономические проблемы. Дело в том, что сейчас перед нами стоят очень сложные задачи. Проблемы, над которыми мы работаем, имеют много интеллектуальных развилки и влекут за собой массу проблем. При всей сложности и судьбоносности реформ Гайдара в начале 1990-х то, что он делал, требовало большого мужества, а не интеллекта. И тогда так казалось, а теперь-то мы это точно знаем, что для макроэкономической стабилизации большого ума не надо. Только политическая воля и ресурсы. Как говорил сам Гайдар: "Или видим харизму президента, или видим полицию". Это не интеллектуальный вызов.

А вот реформа образования, реформа пенсионной системы, здравоохранения -- это большое дело. Это ключевые проблемы, и сейчас это интеллектуальный вызов. Мы просто не знаем, что и как делать, куда двигаться. Это в начале 1990-х годов следовало незамедлительно действовать, а теперь нужно и поразмышлять.

-- Сейчас вы дискутируете, потому что нет плана реформ, мы стоим на перепутье?

-- Не потому, что нет плана. Сейчас уровень консенсуса по основным проблемам в элите более высок, чем 20 лет назад. Все-таки сейчас нет тех, кто утверждает, что дважды два -- это стеариновые свечи. Кто-то говорит -- десять, это, конечно, не четыре, но это, по крайней мере, можно обсуждать и эта полемика в одной системе координат.

-- И все-таки, нет опасений, что ваша стратегия окажется никому не нужной, а ваш интеллектуальный труд не будет востребован?

-- Нельзя лечить пациента, считая, что он все равно рано или поздно помрет. Результаты экономической политики -- это всегда переплетение очень сложного комплекса обстоятельств, которых экономист и вообще человек осознать не может...

-- Но пока не решится проблема 2012 года, трудно говорить об экономических реформах...

-- Я бы не драматизировал проблему 2012 года. Какая разница, кто станет президентом? Вызовы экономики и риски от этого не изменятся.

-- Но будут разные подходы к решению этих проблем.

-- А мы же предлагаем развилки. Действительно, в отличие от 1991 года у нас сейчас возможны неоднозначные решения. Решения, которые приводят к разным политическим, экономическим последствиям в разных временных интервалах. Есть краткосрочные и эффективные варианты, но они опасны, а есть долгосрочные, менее эффективные, но и не такие рискованные.

Наша задача сейчас -- это не утилитарная программа и не стратегия, а смысловые кирпичики развилки. Каждая политическая партия накануне выборов может их смело разбирать на свои программы. Владимир Жириновский спрашивал: "Вы можете чего-нибудь нам доложить? Можно ли нам что-то взять для партии?" Я говорю: "Пожалуйста. Все открыто". Любая партия может использовать тезисы в своих предвыборных целях.

-- Что является сейчас основным вызовом для России?

-- Основной вызов для России -- это бегство элиты. Сейчас изменить стране проще, чем изменить страну. И это, безусловно, главная проблема, которая требует решения. В 1980 году человек скорее должен был что-то сделать, чтобы изменить вокруг себя среду, потому что уехать было невозможно, а те, кто уезжал, знали, что не вернуться. Сейчас вся элита может жить в Лондоне и приезжать сюда раз в полгода поностальгировать.

-- Это бегство элиты порождает тотальную коррупцию и всеобщее безразличие к проблемам страны?

-- Не знаю. Я бы не связывал эти явления. Наоборот, может быть, это одно из следствий. Бегство, о котором мы говорим, не началось в одночасье, это растянутый во времени процесс, в нем масса нюансов. Кто-то отправляет детей учиться за границу, ведь не упрекнешь родителей за то, что они хотят дать детям хорошее образование.

Но бегство элиты -- фундаментальная проблема. Проблемы второго уровня, но близкого к первому, -- это экономический рост в условиях сокращающейся численности населения. Экономическая история не знает прецедентов такого рода.

Есть проблема купирования ресурсов, незаработанных денег. И если недавно я говорил, что политика Стабилизационного фонда ее более или менее решает, то кризис показал, помимо прочего, что такое решение проблемы оборачивается поражением.

Стабфонд дал мощную анестезию существующему экономическому порядку и предотвратил модернизацию. Если в начале кризиса был испуг и все стали думать, как и что изменить в жизни, то теперь опять все успокоились. Так происходит везде, но мы доказали всем, что можно ничего не делать.

При этом проблема не в том, что не надо было тратить деньги Стабфонда, тогда было бы еще хуже. Но вопрос: что делать, чтобы избежать ресурсного проклятья? -- остается таким же острым. Резервы от этого не спасают.

Десять лет назад нам казалось, что мы нашли способ избежать ресурсного проклятья. Теперь мы видим -- не нашли. Все, что я сейчас говорю, -- это не аргумент против Стабилизационного фонда. Просто мы должны понимать, что решение этой проблемы очень сложное.

-- Но ведь некоторые проблемы можно решать и административным образом. Например, закрыть границы, чтобы элита не бежала... Есть вероятность такого выхода из ситуации?

-- Думаю, что нулевая. Поскольку те, кто может принять эти решения, сами не могут себе этого позволить.

-- На что вы сделаете упор в разработке "Стратегии-2020"?

-- Как все приличные люди, -- на институциональные реформы. Серьезная проблема -- это бюджетный кризис. Потому что по нашей макроэкономической ситуации мы реально находимся в ситуации рубежа 1970-1980-х годов. Нефтяные цены находятся на уровне 1970-1980 года в реальном выражении цен на нефть, а бюджет при этом дефицитен.

-- То есть цена нефти высока, но это не покрывает расходы государства?

-- Да, и это очень опасно. И конечно, большой и пока нерешенной проблемой остаются пенсионная система, здравоохранение и образование. Но так или иначе, за всем этим стоят институциональные реформы. И акцент мы делаем не на том, где найти деньги, а как изменить институты.

-- Стратегия рассчитана до 2020 года, потому что вы считаете это календарным окончанием какого-то политического цикла?

-- Нет, просто перед нами задача так была поставлена. Мне было бы проще написать до 2017 года.

-- Институт современного развития (ИНСОР) разрабатывает "Стратегию-2012". В чем принципиальная разница этих двух вех?

-- ИНСОП, если я правильно понимаю, разрабатывает программу будущего правительства. Практически все группы, которые работают над нашей стратегией, поисковые. Никто не просил нас обосновать такой-то путь или иной. Мы сейчас обсуждаем то, чего не знаем, а не то, что знаем. Это очень важное отличие.